

АДВОКАТСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Ева Львова

Состояние аффекта

Адвокатский детектив

Ева Львова

Состояние аффекта

«ЭКСМО»

2012

Львова Е.

Состояние аффекта / Е. Львова — «Эксмо»,
2012 — (Адвокатский детектив)

ISBN 978-5-699-60354-1

Молодой адвокат Агата Рудь не ожидала, что ее новой клиенткой станет приятельница любимой бабушки. Оказывается, Екатерину Меллину подозревают в убийстве подруги, которое случилось в ее квартире. Когда Екатерина отлучилась, кто-то подсыпал в заварочный чайник яд... Убитая Ольга Воронина была не только подругой, но и коллегой Меллиной по работе в научно-исследовательском институте, изучающем возможности человеческого мозга. Опросив подчиненных Ворониной, Агата выяснила то, что поленился узнать следователь: в то утро Ольга встретила старого знакомого, раньше работавшего в институте, вот только имя его назвать не успела... А ведь именно в этом НИИ когда-то трудился отец Агаты, исчезнувший много лет назад. Теперь у адвоката Рудь появился личный интерес в этом деле – найдя настоящего убийцу, она раскроет и все семейные тайны!

ISBN 978-5-699-60354-1

© Львова Е., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

28

Ева Львова

Состояние аффекта

* * *

Свет на лестничной клетке мигал, делая лицо человека напротив едва различимым. Прямо за его спиной темнела высокая двустворчатая дверь моей квартиры, войти в которую он наотрез отказался. Незнакомец поджидал меня на этаже, и, как только раздвинулись дверцы лифта, он шагнул мне навстречу и без долгих предисловий сообщил, что он – мой отец. Отца я не помнила, однако верить первому встречному на слово тоже не собиралась. Поэтому я недоверчиво покосилась на незнакомца и официальным тоном произнесла:

– Если вас не затруднит, предъявите документы, пожалуйста.

Он порылся во внутреннем кармане и протянул мне паспорт на имя гражданина Израйля Льва Рудя, и, пока я рассматривала фотографию, поднял руку и разжал ладонь.

– Вот, Агата, возьми, две обезьянки у тебя уже есть, и без третьей твоя коллекция будет неполной.

Забирая с широкой сухой ладони маленькую фигурку, я вдруг четко осознала, что собеседник не лжет. В неровном свете я вглядывалась в широко расставленные глаза под изогнутыми бровями, рассматривала прямой короткий нос, пухлые подвижные губы и четко очерченный подбородок и умом понимала, что это, без сомнения, мой отец. Он походил на меня так сильно, словно я смотрелась в зеркало. Но вещи, которые говорил этот человек, были настолько невероятны, что я отказывалась верить в реальность происходящего.

– Ты многого не знаешь, Агата, но дед и бабушка тебе чужие люди, – с нажимом произнес отец, и я подумала, что ослышалась. Или сошла с ума. – Они ученые, тестируют программу, разработанную в рамках проекта «Сигма».

– Прости, что ты сказал?

Переспрашивая, я в глубине души надеялась, что Лев Рудь рассмеется и скажет, что он неудачно пошутил, но отец продолжал смотреть на меня с тревожным сожалением, точно я тяжело больна и он вынужден мне об этом сообщить. Парадоксальность его заявления заключалась в том, что роднее бабушки и деда у меня никого нет. Я хорошо помню холодный осенний вечер, когда бабушка подошла к моей кровати с феями на пододеяльнике и, отводя глаза, негромко сказала:

– Ну вот, Агата, придется нам с тобой учиться жить без мамы...

Затем были похороны, и я, маленькая, все смотрела на скорбящих людей и не понимала, почему они так убиваются над закрытым ящиком, в котором ну никак не может быть моя веселая красивая мама. Это уже потом я узнала от бабушки, что мама погибла в автокатастрофе, а папа не смог оставаться в городе, где все напоминало о любимой, подписал контракт с институтом экспериментальной биофизики и уехал в Анголу. А я осталась с его родителями – дедушкой и бабушкой. Дед так и продолжал трудиться в секретном отделе «Сигма», где служил в чине полковника и дослужился до генерала, а бабушка сразу же после гибели мамы из «Сигмы» уволилась и посвятила себя моему воспитанию. Я выросла, окончила школу, юридический институт, стала адвокатом и, смею надеяться, вполне самостоятельной личностью. Так, во всяком случае, я думала. И вдруг я узнаю, что я – всего лишь подопытный кролик...

Я тряхнула головой, сбрасывая оцепенение, и осторожно покосилась на собеседника. Вот он, мой отец, который в общей сложности проработал за границей больше двадцати лет, и все это время я с нетерпением ждала, когда же биолог Лев Рудь вернется домой. Ну что ж, похоже,

дождалась. После двадцати лет разлуки отец стоит передо мной в подъезде нашего дома и несет такую чушь, что уши вянут.

– Все годы эти люди ввали тебе, Агата, – горячо проговорил собеседник. – Твоя мать жива, она в Тель-Авивском госпитале Святой Анны. Вера очень хочет увидеть тебя. В половине пятого утра рейс в Израиль, есть возможность улететь. Если поторопимся, успеем в аэропорт.

– Мама жива? – внутри у меня все онемело, и я с трудом выдавливала из себя слова, стараясь справиться с охватившей меня паникой. – Подожди, я ничего не понимаю. Если это действительно так, надо немедленно звонить бабушке! Знаешь, как она обрадуется? И вообще, пойдем домой, чего на пороге стоять?

Я уже было потянулась к сумке за смартфоном, чтобы звонить бабуле, но горячая рука легла на мое запястье. В мигающем свете лампы отец как-то странно посмотрел мне в глаза и чуть слышно проговорил:

– Ни в коем случае никому не звони! И домой я не пойду – там везде прослушки и жучки.

– Но и на лестнице мы разговаривать не можем, – возразила я. – Если хочешь, давай спустимся в мою машину, там хотя бы кресла мягкие.

Кинув взгляд на часы, я отметила, что время близится к полуночи. Весь день пробежав на каблуках по судебным инстанциям, я больше всего мечтала добраться до дома и скинуть наконец-то тесные туфли. А тут так некстати объявился этот странный человек со своими параноидальными откровениями, которые требуют от меня предельной концентрации в столь поздний час.

– В машине тоже могут быть прослушки, – недовольно поморщился он.

– Ну, лавочка-то во дворе не оснащена шпионской техникой? – усмехнулась я, страшно жалея, что не поехала ночевать на дачу. Что уж там скрывать, к этому моменту разговора я с грустью убедилась, что мой отец – обыкновенный шизофреник. Должно быть, именно поэтому дед и бабушка ограждали меня от контактов с неуравновешенным родителем.

Секунду помедлив, собеседник окинул тяжелым взглядом лестничную клетку, перегнулся через перила, удостоверился, что нигде никого нет, и осторожно двинулся вниз по лестнице, проигнорировав лифт. Проклиная все на свете, я с трудом потащила за ним. Выйдя из подъезда, я некоторое время понаблюдала, как Лев Рудь тревожно озирается по сторонам в поисках возможного хвоста. При свете фонарей мне удалось как следует рассмотреть его лицо – оно было растерянным и испуганным, как у человека, который находится на грани нервного срыва.

Лавочка, на которую я так рассчитывала, располагалась на заднем дворе под развесистым боярышником. Туда-то я и направилась. Держа дистанцию, отец следовал за мной. Откинувшись на спинку лавки и устроившись поудобнее, я подождала, пока он расположится рядом, и приготовилась слушать дальше его сумбурное повествование.

– Можешь мне не верить, но и ты, Агата, и я – всего лишь части эксперимента, – выдержав паузу, задумчиво проговорила отец. – Ты уже взрослая и, должно быть, знаешь, что генерал Рудь возглавлял закрытый проект по изучению возможностей головного мозга, а Ида Глебовна ему в этом помогала.

Это была чистая правда. Не только дед, но и мой прадед занимался подобными исследованиями, и Владлен Генрихович не делал из этого тайны. Во всяком случае, мне он подробно рассказывал о некоторых занимательных эпизодах своей биографии. Да и бабушка частенько упоминала, что познакомилась со своим будущим мужем на проекте «Сигма», где служила медиком. Меня больно задело, что отец называет бабушку по имени и отчеству.

– Почему ты сказал не мама, а Ида Глебовна?

Мой вопрос остался без ответа. Лев Рудь смотрел перед собой остановившимся взглядом, точно он сидел один в тихом дворике, предаваясь своим мыслям.

– Знаешь, как я попал в проект? – вдруг спросил отец, нервно покусывая губы и не поворачиваясь в мою сторону.

Я отрицательно мотнула головой.

– А из обычного московского детдома. Для проведения исследований тогда еще полковнику Рудю нужны были люди, обладающие необычными способностями, и подобные кадры отбирались по всей стране. Меня Владлен Генрихович нашел в детском доме на Таганке. Мы побеседовали минут десять, и на следующий день полковник меня усыновил.

Отец замолчал, напряженно рассматривая аккуратно подстриженные ногти.

– А потом? – требовательно проговорила я.

– Потом? – задумчиво переспросил он. – Потом я жил у него в доме, после школы выезжая в Жуковский и подолгу занимаясь с нейropsychологами в лаборатории института экспериментальной биофизики, и способности мои понемногу возрастали.

Отец снова замолчал, и в тишине старого московского двора было слышно, как из открытого окна доносятся звуки голливудского фильма в переводе Гоблина. Отвлекаясь от разговора, я стала вслушиваться в текст, пытаюсь разобраться, что это за картина, когда отец вдруг снова заговорил:

– Однажды к Владлену Генриховичу пришел молодой нейрохирург Макс Фишман и предложил возможность одним движением скальпеля сделать из просто способных людей гениев. Я попал в экспериментальную группу и после операции стал тем, кто я есть.

– В каком смысле? – осторожно уточнила я, позабыв про Гоблина.

– Мне кажется, ты понимаешь, о чем идет речь, – устало откликнулся отец. – Назови любую книгу на каком угодно языке из тех, что я когда-либо прочел, и я от начала до конца процитирую названную тобой страницу.

Подумаешь, я тоже могу запомнить и пересказать прочитанное с первого раза, этим меня не удивишь! Пожав плечами, я разочарованно отвернулась, стараясь уловить слова, долетающие из открытого окна.

– Или хочешь, я целиком назову число Пи?

И число Пи я и сама легко называю, точнее, не все число – оно бесконечно, а первые тысячу знаков после запятой. Всему этому научила меня бабушка – у Иды Глебовны разработаны мнемотехники, которые я прилежно осваивала под ее руководством каждый божий день без выходных и праздников по три часа зимой и летом. А были еще увлекательные занятия в только что открывшихся закусочных «Макдоналдс». Проводились они так: мы с бабушкой заходили в ресторан быстрого обслуживания, и Ида Глебовна тихо говорила:

– Шапки!

В течение одной секунды я окидывала взглядом зал, запоминая дислокацию головных уборов, после чего закрывала глаза и начинала перечислять:

– Первый столик у двери: женщина в красной вязаной шапке, рядом с ней – мальчик в черной бейсболке; столик за ними: три головных убора – два берета, на девочке и на старичке, и фетровая шляпа на молодом парне с виолончелью в черном футляре.

Так продолжалось до тех пор, пока я правильно не называла все головные уборы, находящиеся на посетителях в зале. После этого бабушка покупала мне заслуженный «хеппи мил», и все были довольны. Изредка я ошибалась и оставалась без угощения. Зато в следующий раз я концентрировалась так старательно, что больше не повторяла ошибки. На месте шапок частенько оказывались очки, сумки, куртки, зонтики, да все, что угодно.

– Пап, я тебе верю, рассказывай дальше, а то скоро светать начнет, и ты опоздаешь на самолет, – вяло откликнулась я, отогнав воспоминания об увлекательных игровых занятиях под руководством моих стариков.

– Если ты никуда не летишь, то и мне торопиться нечего, – обреченно вздохнул отец.

Мы помолчали, из открытого окна полилась торжественная музыка, извещающая об окончании фильма, и я завозила на лавочке, придумывая повод, чтобы встать и уйти.

– Уже поздно, – смущенно проговорила я, собираясь подняться.

– Может, тебе все-таки интересна история собственной семьи? – обиженно заметил Лев Рудь, почувствовав мое настроение.

Признаться, что слушать бредни больного человека я не слишком-то расположена, у меня не хватило духу, и я смиренно пробормотала:

– Очень интересна, рассказывай дальше.

– Да что там рассказывать, – махнул он рукой. – В ноябре девяносто второго года нейрохирурга Фишмана пригласили на конференцию в Израиль, и Макс решил показать мировой общественности меня в качестве подтверждения действенности своей методы. Выпустили нас, естественно, не одних – за нами присматривал капитан Жакетов. Он числился в лаборатории, но подчинялся непосредственно генералу Рудю – мой опекун к тому времени дослужился до генерала. Мы прилетели в Израиль, и в Тель-Авиве нейрохирург Фишман вдруг попросил политическое убежище. Мне он заявил, что еще раньше переговаривал с израильскими коллегами и продал свое открытие одной мощной корпорации. Они заинтересовались не только Фишманом, но и мной как объектом исследования, поэтому выехать из страны я не смогу. Меня действительно не выпустили, и я остался в Израиле.

– Как же капитан Жакетов допустил такой конфуз? – недоверчиво усмехнулась я, страшно жалея, что бросила курить и не могу занять руки сигаретой, а голову – мыслями о вреде никотиновой зависимости.

– Жакетов ничего не мог поделать, он вернулся в Россию и был уволен из органов вместе с генералом, – невесело усмехнулся рассказчик. – Однако метод Фишмана не оправдал надежд покупателей – оказалось, что из десяти прооперированных выживал лишь один. Интерес ко мне быстро иссяк, и я оказался предоставлен самому себе. Мне удалось устроиться подсобным рабочим в кибуц¹, и, получив свои первые деньги, я сразу же позвонил Вере: тебе, Агата, как раз исполнилось четыре года, и я хотел поздравить с днем рождения свою любимую дочурку. И знаешь, что мне сказала твоя мать?

– Даже представить себе не могу, – с недоумением пожала я плечами, старательно делая вид, что верю рассказу.

– Она сказала: «Лева, не смей возвращаться домой, Владлен Генрихович рвет и мечет, его со скандалом уволили из органов, и он жаждет мести. Из Тель-Авива вернулся Жакетов и все свалил на вас с Максом. Теперь генерал ищет тебя и Фишмана, ибо считает, что вы вместе задумали побег на Запад». Вера обещала приехать в Израиль – тогда многие эмигрировали. Твоя мама выполнила обещание, но не смогла забрать тебя с собой. Думаю, Владлен Генрихович догадался, куда делась Вера, и, чтобы пресечь возможные разговоры, инсценировал несчастный случай, в результате которого якобы погибла твоя мать. Сейчас Вера тяжело больна, она перенесла тяжелейший инсульт, не знаю, сможет ли подняться на ноги, и больше всего Верочка мечтает увидеть тебя, Агата.

Отец всем корпусом развернулся на скамейке и пристально посмотрел мне в глаза, дрогнувшим голосом проговорив:

– Доченька, очень тебя прошу, полетели со мной, а? Мама так ждет... Я привез приглашение, вот оно. На обратной стороне записан номер моего мобильного, если что – можешь в любое время со мной связаться.

Он достал из внутреннего кармана льняного пиджака сложенный вчетверо листок, протянул мне и держал до тех пор, пока я не взяла.

– Ну что, поедem?

¹ Сельскохозяйственная коммуна в Израиле.

Я смущенно молчала, не зная, как реагировать на это странное предложение. Отец меня не торопил. Когда молчать дальше стало невозможно, я наконец с трудом выдавила из себя:

– Я так сразу не могу. Вот съезжу в Жуковский, наведаюсь в институт экспериментальной биофизики, переговорю с теми, кто что-то об этой истории помнит, – вот тогда обязательно полечу с тобой к маме.

– Напрасно время потратишь, – бесстрастно обронил собеседник. – Институт в Жуковском – секретный объект, тебя туда не пустят.

– Хорошо, тогда спрошу у деда.

– Ну-ну, генерал Рудь очень обрадуется, что сможет снова упечь меня в лабораторию и дать возможность своим людям закончить начатые исследования. Я постоянно чувствую, что люди генерала где-то рядом, я уверен, что Владлен Генрихович не оставил идею вернуть меня в спецотдел. Пойми, дочь, меня предали: я думал, я один из них, а оказалось – я всего лишь подопытный кролик.

– Тогда поговорю с бабушкой, – не сдавалась я. – Аккуратно поговорю, чтобы Ида Глебовна ни о чем не догадалась и не рассказала деду.

– Вот этого точно делать не стоит, – хмуро откликнулся отец. – Я сказал тебе неправду. Генерал с женой тебе не совсем уж чужие. Твоя мама – младшая сестра Иды Глебовны, после смерти их родителей генерал растил Веру как родную дочь. И он никогда не простит Вере предательства.

Окончательно перестав что-либо понимать, я пробормотала слова извинения, наскоро простилась с отцом и, поднявшись с лавки, торопливо припустила домой.

– Я улетаю, мне нужно как можно скорее вернуться к Вере, – неслось мне вслед. – Надеюсь, ты примешь правильное решение. И помни: у твоей матери осталось не так много времени, чтобы повидать тебя, Агата.

* * *

С самого утра меня так и подмывало позвонить деду и прямо спросить о состоянии здоровья Льва Рудя. Если отец болен, почему от меня это скрывают? Может, все не так плохо и его еще можно вылечить? Но мой непосредственный начальник адвокат Устинович не терпит опозданий, поэтому пришлось отложить все вопросы на потом и двинуться в сторону конторы.

Июльское утро только началось, а духота в Москве уже стояла невероятная. Выйдя из подъезда, я окунулась в горячий воздух, поднимающийся от раскаленного асфальта в бледное небо, и, пока шла до машины, взмокла так, словно побывала в сауне. Подъезжая к Маросейке, я всей душой надеялась, что в конторе наконец-то починили кондиционеры и работать придется в нормальных условиях. Однако несмотря на то, что с климатическим оборудованием проблемы были решены, обстановку в адвокатском бюро «Устинович и сыновья» трудно было назвать нормальной. Борис восседал на рабочем месте, сияя, как именинник, а остальные члены семьи Устиновичей водили вокруг него хороводы. Впрочем, помимо отца и брата, вокруг стола моего бывшего однокурсника и лучшего друга утицей плавала секретарша Кира Ивановна и лебедью вышагивала Маша Ветрова, которую в принципе тоже можно считать частью семьи. Наша конторская красотка хоть и крутила роман с Эдом Георгиевичем, но замуж все-таки выскочила за старшего из его сыновей, ибо в самый последний момент глава адвокатской конторы наотрез отказался разводиться с проверенной супругой, родившей ему двоих сыновей. Взвесив все за и против, привыкший мыслить здраво Эд Георгиевич сделал выбор в пользу парных котлет Фиры Самойловны, рассудив, что любоваться прелестями Марии можно и в офисе. Вот тогда-то Ветрова пошла в контрнаступление и женила-таки на себе Ленчика.

Продолжая начатый еще до моего прихода монолог, Эд Георгиевич с напором говорил младшему сыну:

– С билетами заминки не будет, сегодня же можешь вылететь в Тель-Авив, Семен тебя встретит. Он мне звонил, сказал, что в права наследства ты сможешь вступить сразу же после оглашения завещания, так что это чистая формальность.

– И все-таки непонятно, – сокрушенно вздохнула Ветрова. – Почему этот ваш дядя Моня все свое имущество оставил Джуниору? Ведь есть же прямые наследники – тот же Семен. Но даже если ваш родственник по какой-то причине решил оставить своего сына без наследства, покойник мог бы учесть, что Леня старше Бориса, да и вы, Эд Георгиевич, пока еще живы. Может, имеет смысл завещание опротестовать? Может, ваш покойный дядя был невменяем?

– Я могу полететь с Борисом и навести справки у соседей, – охотно откликнулся Леонид, делая шаг к двери, точно собирался сию же минуту лететь в Израиль проверять вменяемость покойного родственника, но Эд Георгиевич так на него посмотрел, что инициативность Устиновича-среднего мигом куда-то испарилась. Под убийственным взглядом отца Леня вернулся на рабочее место, где и затих на стуле, ссутулившись и став ниже ростом.

– Не городите чушь! – продолжая испепелять взглядом невестку и сына, прикрикнул глава адвокатского бюро. – *Ceteris par – ribas*, что, как известно, означает «при прочих равных условиях», только один дядя Моня сумел в чужой стране выбиться в люди.

– А как же Сема? – невнятно промямлил Леонид, не поднимая глаз от столешницы, на которой он пальцем размазывал натекшую из цветочного горшка лужицу. Наша секретарша всегда очень обильно поливает цветы, отчего на подоконниках круглый год стоит присыпанная землей вода, время от времени стекая на рабочий стол Леонида и заливая его бумаги. – Сема дослужился в полиции Тель-Авива до рав самаль ришон, разве этого мало?

Устинович-старший скроил скептическую мину, указательным пальцем поскреб гладко выбритый подбородок и не без самодовольства заметил:

– Если учесть, что мы с Семеном оба заканчивали юрфак столичного университета и я владею одним из лучших адвокатских бюро в Москве, то должность прапорщика – не бог весть какая карьера. Дядя Моня же эмигрировал, будучи поваром в общепитовской столовой при автобусном парке, и при этом ухитрился открыть в Израиле процветающий ресторан и, замечу, лично руководил им до последних дней жизни. Нет, о его недееспособности и речи быть не может, хотя Эммануил Абрамович, конечно, был большой оригинал. Взять в официантки Зину – на такое способен только человек с огромным чувством юмора и немалой коммерческой сметкой.

Секретарша тут же переглянулась с Ветровой, спрашивая взглядом, о ком идет речь, но та лишь с недоумением пожала плечами. Слишком мало Мария пробыла женой Ленчика, чтобы быть осведомленной о таких деликатных подробностях. Мне же давнишняя дружба с Джуниором давала некоторые преимущества, поэтому я знала, что Зинаида Подольская – страшный сон семьи Устиновичей. Девушка принадлежала к дальней ветви большого семейства и была не только смазлива, но и совершенно безумна, чем и решил воспользоваться предприимчивый дядя Моня. Выписав из России несчастную Зинаиду, он привез ее в ресторан и предоставил полную свободу действий. Зина вдруг вообразила, что она как две капли воды похожа на Мэрилин Монро, и стала во всем подражать признанному секс-символу двадцатого столетия, фланируя по залу с подносом знаменитой походкой из культового фильма «В джазе только девушки». Видя такое дело, Эммануил Абрамович тут же переименовал свое заведение из закусочной «У дяди Мони» в ресторан «Монро». Это был ловкий рекламный ход, который не обманул ожиданий ресторатора. Сначала со всей округи, затем и из дальних уголков города в «Монро» потянулся народ, чтобы посмотреть на чудачества «чокнутой русской». Дядя Моня пожинал плоды своей предприимчивости, богатея прямо на глазах. Он уже подумывал открыть сеть ресторанов, набрав для этого мало-мальски похожих на Мэрилин девушек и обучив их эротично покачивать бедрами, при этом балансируя заставленными снедью подносами, но внезапная кончина помешала его грандиозному замыслу.

– В общем, Борис, – подвел черту под беседой глава конторы, – передавай дела Агате и отправляйся домой паковать чемодан.

Все еще стоя в дверях, я приветливо помахала рукой коллегам и несколько запоздало поздоровалась:

– Добрый день всем, кого не видела!

Затем я прошествовала к столу Джуниора и с озабоченным видом уселась на стул для посетителей.

– Ну, показывай, что там у тебя за дела, – деловито проговорила я.

Покосившись на меня, приятель неуверенно протянул:

– Э-э, батя, то есть Эд Георгиевич, может, лучше передать дело Воловика Маше Ветровой?

– Вот еще глупости, – надулась Ветрова. – У меня одних только разводов в производстве целых три штуки, а ты на меня свои тяжкие телесные навалить хочешь.

– Тогда, может, Лене? – тоскливо тянул Джуниор, с которого вид именинника слетел сразу же после распоряжения родителя о передаче дел в мои цепкие руки.

– Да ладно, Борь, – попыталась вступить я в разговор, – я только что закончила дело, у меня как раз нет работы, так что я с удовольствием заберу у тебя все, что ты не доделал. Пошли в кухню, попьем кофе, заодно расскажешь, что там у тебя за тяжкие телесные.

Я поднялась со стула и молча наблюдала, как кудрявый друг обреченно выбирается из-за стола, как хрустит суставами, разминая свое большое, затекшее от долгого сидения в парадной позе тело. Борька потягивался, откладывая неприятный момент, но я терпеливо ждала, когда он выполнит свой обычный ритуал, возьмет папку с делом и отправится в кухню. Наконец кудрявый друг все же закончил производственную гимнастику и, подхватив со стола документы, двинулся пить кофе и вкратце излагать суть вопроса, над которым сейчас работает.

Включив чайник и с комфортом устроившись за столом, Устинович-младший вскинул на меня серые телячьи глаза, обрамленные пушистыми ресницами, дернул длинным носом, покрытым канапушками, и неуверенно протянул:

– Сразу говорю – тут все ясно с самого начала. Статья сто одиннадцатая, причинение тяжкого вреда здоровью, подзащитный виновен на сто процентов – ибо нефиг руку на стариков поднимать. Воловик полностью признал свою вину, смягчающих обстоятельств нет, поэтому ему светит от двух до восьми лет, и он с этим согласен. Знаешь, Агата, материалы дела ты можешь даже не читать, в суде заявишь, что сторона защиты полностью согласна с предъявленным обвинением – и все, иди домой обедать.

Я забрала из рук приятеля папку, раскрыла на первой странице и с головой погрузилась в бумаги. Сделав рукой жест, полный безнадежного отчаяния, Борис поднялся со стула и отправился варить кофе. Пока он жужжал кофемолкой и, стоя над туркой, бдительно следил, чтобы кофе не убежал на плиту, я ознакомилась с материалами и отложила папку в сторону. Кинув недоверчивый взгляд на внушительный том в картонном переплете, который я за считанные минуты успела прочесть от корки до корки, Устинович-младший с уважением проговорил:

– Сколько я тебя знаю, Агата Рудь, столько не перестаю поражаться, как быстро ты читаешь. Колись, как ты это делаешь?

Я перестала наблюдать за поднимающейся над туркой пенной шапкой и задумалась. Действительно, а как я это делаю? Просто беру в руки страницу протокола допроса и через секунду знаю, о чем в ней говорится. Я смотрю на нее краткий миг, и все. То же самое и с книгами. Достаточно мне пролистать самый толстый том из библиотеки деда, и я смело могу держать экзамен не только на предмет содержания книги, но и лингвистических особенностей стиля автора. Пока я размышляла над собственными странными способностями, Борька, утратив бдительность, во все глаза таращился на меня, ожидая, что я вот-вот открою некую тайну.

Коричневая шапка между тем поднялась до критического уровня, и кофе с угрожающим шипением залил плиту.

– Тьфу ты, черт! – в сердцах выругался Борис, подхватывая турку полотенцем и поднимая ее над плитой, как будто это могло исправить ситуацию. – Так и знал, что убежит! А все ты, Агатка, со своими нечеловеческими способностями!

Замечание Джуниора вызвало в памяти вчерашний разговор с отцом. А вдруг он сказал правду, и в Тель-Авиве меня действительно дожидается мать?

– Слушай, Борь, у меня к тебе есть одна просьба. Как только прилетишь и разберешься со своими делами, пожалуйста, загляни в госпиталь Святой Анны и наведи справки о больной Вере Рудь.

– Подожди, – растерялся Борис. – Вера Рудь – это же твоя мама. И она, насколько я знаю, давно умерла.

– Борь, тут вот какое дело, – принялась объяснять я. – Вчера ночью ко мне пришел человек и сказал, что он мой отец.

И я со всеми подробностями рассказала Джуниору о странном разговоре с человеком, поджидавшим меня в ночи на лестничной клетке.

– И ты ему поверила? – удивился Борис. – Он что, паспорт тебе показал? Водительское удостоверение? Или аттестат об окончании средней школы?

– Ну да, я видела его документы.

– Так это же полная фигня! Да я тебе за пару дней какие хочешь документы выправлю. Были бы деньги и связи!

– Кроме того, он дал мне это.

Я достала из кармана обезьянку с лапками, зажимающими рот, и положила на стол перед Джуниором. Борис взял фигурку в пальцы и долго рассматривал, крутил так и эдак и наконец спросил:

– Слушай, из чего он их делает?

– Понятия не имею. Вроде бы это глина, а может, что-то еще.

– В любом случае здорово, – проговорил Борис, возвращая мне фигурку. – Как две капли воды похожа на те, что стоят у тебя на полке.

– Сама знаю, – согласилась я. – Теперь у меня действительно все три обезьянки сандзару – не вижу зла, не слышу о зле и не говорю о зле.

– Так я не понял, почему он не поехал к твоим старикам?

– Ну как же, отец же сказал, что дед и бабушка мне никто, они ученые и в рамках проекта наблюдают за мной.

– Бред какой-то, – фыркнул Устинович-младший.

– Само собой, я не верю во всю эту чушь, – согласилась я, – но все-таки загляни в госпиталь, ладно, Борь? А вдруг мама действительно там?

– Слушай, Агата, я тут подумал... – смущенно протянул Борис. – Может, поедешь со мной в Израиль сама и заглянешь в госпиталь? Жить можно у Семена, думаю, никто не станет возражать. Если что, скажем, что ты – моя невеста.

Я удивленно вскинула бровь и насмешливо осведомилась:

– С чего бы это после стольких лет дружбы я удостоена такой чести? Ты у нас теперь завидный жених с шикарным рестораном, хоть завтра можешь сделать предложение Ксюше Собчак. А я кто? Так, простая малоимущая адвокатесса, нищеводка, как ты это называешь, а гусь, как известно, свинье не товарищ.

– Кончай придуриваться, – обиделся Борис. – Не хочешь ехать – так и скажи. Была бы честь предложена.

– Вот я и говорю – не хочу ехать, – согласилась я.

– Ладно уж, загляну я в твой госпиталь, – недовольно буркнул Джуниор.

– Вот и отлично. Теперь давай поговорим о деле Воловика.

Борька поскреб пятерней медную макушку и уныло протянул:

– А чего о нем разговаривать?

– Насколько я поняла, – деловито проговорила я, принимая из рук кудрявого друга чашку с остатками кофе, который ему удалось нацедить из полупустой турки, – суть конфликта заключается в следующем: на бензозаправке произошла драка – мотоциклист по фамилии Воловик двадцати шести лет от роду избил водителя Трошина сорок второго года рождения. В результате избиения у потерпевшего отнялась нога. Воловик свою вину полностью признал и готов понести заслуженное наказание в виде лишения свободы согласно уголовному кодексу по статье... Я верно понимаю проблему?

Отхлебнув растворимого кофе, который он, не заморачиваясь, заварил себе в чашке, Борис одобрительно кивнул головой. Я протяжно вздохнула и расстроено произнесла:

– Дельце-то и вправду выеденного яйца не стоит.

Борька окинул меня победоносным взглядом и снисходительно заключил:

– Самое сложное я уже сделал. Опрошил свидетелей и переговорил со всеми участниками конфликта. Ты только подготовишь документы для суда и через неделю придешь на слушание дела.

Сполоснув посуду, мы вернулись на рабочие места. Борис распрощался с коллегами и покинул офис, и я от нечего делать вынуждена была рисовать в блокноте чертиков и слушать завистливые причитания Ветровой о несправедливости этого мира. Одним достаются в наследство рестораны, а другим – нудные бракоразводные тяжбы и никаких перспектив. Невестка Эда Георгиевича лукавила: после смерти Устиновича-старшего контора переходила к Ленчику, и все сотрудники, включая Ветрову, были об этом осведомлены. Стараясь абстрагироваться от жалобных стенаний коллеги, я размышляла над странными способностями, которыми я, несомненно, обладаю. Взять хотя бы пятизначные числа. Или шестизначные. Да какие угодно! Я легко и непринужденно множу, делю и извлекаю из них квадратные корни с раннего детства. И языки. Я понимаю чужую речь так, как будто рядом говорят по-русски. И опять же скорочтение это... Что там отец говорил про свои необыкновенные способности? А вдруг это правда – я унаследовала редкие таланты от необыкновенного родителя, а дед с бабушкой всю жизнь просто наблюдали за мной, занося результаты в отчеты и графики?

Я перестала рисовать в блокноте чертиков и, перевернув страницу, сверху написала: «Лев Рудь. Проверка изложенных фактов». Поставила цифру один и задумалась. Прежде всего нужно съездить в детдом на Таганке и поговорить с директором. Должен же он помнить историю усыновления моего отца? Ведь не каждый день полковники КГБ усыновляют воспитанников его заведения! Затем необходимо навеститься в Жуковский, разыскать сотрудников лаборатории спецотдела «Сигма» и попытаться что-нибудь выяснить насчет сверходаренного мальчика Левы Рудя. Может быть, там до сих пор работает хоть кто-нибудь, кто помнит эксперименты, в которых отец принимал участие? Я старательно занесла в свой список цифру два, рядом с которой написала «Лаборатория», и снова погрузилась в размышления. Чертики на блокнотном листе сменились танцующими эльфами, и это навело меня на мысли о маме. А что, если мама действительно жива? Может быть, зря я отказалась ехать с отцом в Тель-Авив? Моя мать умирает, а я затеваю расследование, теряя драгоценные дни? Но верить человеку, которого вижу в первый раз в жизни, я тоже не обязана. Нет, ничего не выяснив, ехать нельзя. На Бориса вся надежда. Интересно, он уже вылетел в Израиль?

Взяв со стола смартфон, я набрала номер Джуниора.

– Внимательно, – последовал степенный ответ после первого же гудка.

Манера Бориса изъясняться прилагательными и наречиями здорово раздражает, но я устала бороться с приятелем и махнула рукой на его интернетовский сленг.

– Борь, ты еще не улетел? – осведомилась я.

– А что, ты передумала? – вопросом на вопрос ответил кудрявый друг, и в голосе его было столько затаенной надежды, что мне стало неловко. – Вообще-то я в аэропорту, но могу сдать билет и подождать тебя.

– Да нет, не стоит меня ждать, просто я хотела узнать, в Москве ты или уже летишь к намеченной цели. Сижу вот, думаю, может, ты уже подъезжаешь к госпиталю.

– Какая ты нетерпеливая, – ехидно откликнулся Джуниор. – К госпиталю я подъеду не раньше завтрашнего дня.

– Тогда целую. Хорошо долететь. Как приземлишься – позвони, я буду волноваться.

– Правда, будешь? – недоверчиво спросил Борис.

– Честное слово, – поклялась я и дала отбой.

Кинув аппарат на стол, я стала думать, что еще я могу предпринять для того, чтобы подтвердить или опровергнуть слова отца. Неплохо бы было съездить в детский дом на Таганке, но как пораньше уйти с работы, если Эд Георгиевич каждый раз, выходя из своего кабинета, так и сверлит меня глазами, проверяя, тружусь ли я над переданным мне делом? А что там трудиться, если все и так понятно: статья сто одиннадцатая, и срок ему светит будь здоров, ибо, как выражается Борька, нефиг руку на стариков поднимать. И как он только мог, этот Воловик, избить пожилого человека? Съездить, что ли, на Марксистскую, двадцать семь, квартира сорок четыре, посмотреть в его бесстыжие глаза? Отличная мысль! Марксистская как раз рядом с Таганкой, так что я одним выстрелом убью сразу двух зайцев! Поднявшись из-за стола, я обвела сослуживцев торжествующим взглядом и, придав лицу сосредоточенное выражение, отправилась в кабинет начальства отпрашиваться по неотложным делам.

* * *

В сторону Марксистской тянулась бесконечная вереница машин, и я решила начать с Таганки. Все равно ведь мимо проезжаю, да к тому же руководство детского дома того и гляди закончит рабочий день и разбежится по своим делам. Подзащитного же наиболее вероятно застать дома ближе к вечеру, когда он вернется с работы. Заключив компромисс со своей совестью, я свернула к метро. Прижалась к обочине, включила аварийку и, не обращая внимания на проклятия водителей автобусов, которым я мешаю подъезжать к остановке, достала смартфон и полезла в Интернет. Но, сколько я ни лазила по Всемирной паутине, разыскать адрес детского дома, расположенного в этом районе, мне так и не удалось. Вся надежда была на старожилов, наверняка знающих эти места вдоль и поперек. Покинув салон автомобиля, я стала метаться от одной приличной на вид старушки, производящей впечатление коренной москвички, к другой, но местные жители в ответ на мой вопрос только с недоумением пожимали плечами и делали удивленные лица.

Тогда я решила зайти с другой стороны. Если население не знает о детском доме в этом районе, то представители власти уж наверняка о нем осведомлены. Припарковавшись у районной управы, я предъявила дежурящему на входе полицейскому адвокатское удостоверение и прямиком отправилась к главе управы. Едва завидев меня на пороге приемной, бдительная секретарша сделала запрещающий жест и воскликнула:

– Андрей Владимирович никого не принимает! Запишитесь в службе единого окна, вам назначат время. Это на первом этаже, направо от поста охраны.

– Прежде всего добрый день, – невозмутимо откликнулась я, как только она замолчала. – Я не могу ждать приемных часов, мне прямо сейчас необходимо переговорить с Андреем Владимировичем. Дело в том, что я адвокат Агата Рудь, – я достала из сумки адвокатское удостоверение вместе с ордером на ведение дела и положила на стол перед секретаршей, – и представляю интересы господина Воловика. Следствие располагает сведениями, что мой подзащитный воспитывался в детском доме, который находится на территории вашего района. Мне необхо-

димо переговорить с директором детского дома и получить исчерпывающую характеристику на моего доверителя. Много времени у вашего шефа я не отниму – только узнаю адрес воспитательного заведения и сразу же уйду.

Вне всякого сомнения, это была вопиющая ложь, но, что уж там скрывать, в интересах дела я частенько прибегаю к подобным уловкам. Секретарша взяла в руки предъявленные документы, придирчиво осмотрела каждый из них и, возвращая бумаги обратно, слегка кивнула на высокую дверь за спиной.

– Проходите, только недолго! Андрей Владимирович на совещание торопится.

В темном прохладном кабинете за столом под портретом президента сидел маленький тщедушный человечек и, глядя в окно, грыз дужку очков.

– Здравствуйте, Андрей Владимирович, – бодро проговорила я, перешагивая порог кабинета. И, заметив недовольную гримасу на его лице, торопливо добавила: – Я к вам буквально на минутку.

Вывалив на главу управы легенду о бывшем детдомовце Воловике, я снова продемонстрировала удостоверяющие мою личность документы и, не отрываясь, воззрилась на собеседника, ожидая ответа.

– Ну что вы, госпожа адвокат, – отмахнулся глава управы, водружая на нос очки и кидая беглый взгляд на удостоверение. – От детского дома остались одни воспоминания! Детдом действительно располагался в Калитниковском проезде, но лет пятнадцать назад сгорел дотла.

– И что же, никто не выжил? – расстроено протянула я.

– Да нет, ну что вы, – успокоил меня чиновник, снимая очки и снова отправляя дужку в рот. – Пожарные успели эвакуировать детей, а вот директор пострадал – лишился пальцев на обеих руках и стал инвалидом. Жаль Панкратова, хороший был руководитель, возглавлял детский дом с начала семидесятых, умел хорошо ладить с детьми.

– А что стало с персоналом?

– Детдом расформировали, ребят и воспитателей распределили по другим учреждениям, – пожал плечами глава управы.

– Куда направили Панкратова? – уточнила я, внутренне замирая. Я возлагала на директора детского дома большие надежды, ведь, судя по всему, именно он присутствовал при беседе полковника Рудя и одаренного мальчика Левы.

– Мы перевели его на более легкую работу. Сейчас Панкратов возглавляет Дом детского творчества, – улыбнулся глава района. – Вы можете туда подъехать, он наверняка на рабочем месте – управа выделила средства на ремонт, и Панкратов руководит строителями.

– И где находится Дом детского творчества?

– В трех автобусных остановках отсюда, – ответил собеседник и, посчитав разговор законченным, убрал очки в футляр, а футляр в свою очередь аккуратно спрятал в портфель и снова отвернулся к окну.

Дом детского творчества я нашла без особых проблем. Имелись и строители. Стена трехэтажного здания серела ободранной штукатуркой, но мастера отчего-то не торопились привести ее в надлежащий вид. Сидя на длинной, грубо сколоченной скамье в тени акаций, они тянули пиво прямо из бутылок и азартно резались в домино. Приблизившись к работягам, я сдержанно поздоровалась и спросила у самого трезвого из них:

– Не подскажете, где я могу найти Панкратова?

Шумно затянувшись сигаретой, он выпустил струю дыма в мою сторону и сосредоточенно глядя на сложившуюся доминошную комбинацию, сипло выдохнул:

– На кладбище.

– Не смешно, – откликнулась я, подозревая, что надо мной насмеются.

– А я и не шучу, – безразлично отозвался строитель. – Михалыча позавчера сбила машина, а сегодня его хоронят. Сейчас как раз все вернутся с кладбища и будут поминать в

буфете. Родные там стол накрывают. Мы вот тоже сидим, ждем, не расходимся. Помянуть – святое дело.

Необъяснимое осязание зла, которое витает над головами всех причастных к этой истории, закралось мне в душу. В первый раз ощущение неслучайности происходящего посетило меня еще в управе, когда я узнала о том, что детский дом сторел. Но я отогнала от себя нехорошие мысли, рассудив, что в жизни случаются разные невзгоды. Теперь же я точно знала, что все происшедшее – не случайно. Это чья-то злая воля манипулирует людьми и обстоятельствами, подгоняя их под свой сценарий. Я прошла в направлении, указанном мне широкой ладонью строителя, миновала распахнутую настежь дверь центрального входа и в конце коридора увидела за стеклянными дверями буфета длинный стол, заставленный тарелками и мисочками с салатом. Сервировкой занималась пожилая женщина с усталым лицом, помогала ей молоденькая девушка в длинном сарафане. Головы женщин покрывали черные платки, что указывало на глубокий траур. Посреди стола стояла фотография пожилого мужчины с печальными глазами и славной ямочкой на подбородке. Черная лента наискосок пересекала угол фото, и, разглядывая доброе лицо покойного, я только теперь сообразила, что не знаю его имени и отчества. Бегом вернувшись к строителям, я тронула за плечо своего давешнего собеседника и торопливо зашептала:

– Как его зовут?

– Кого? – опешил строитель. Должно быть, он уже забыл не только о нашем разговоре, но и моем существовании, и теперь с недоумением рассматривал меня, точно видел в первый раз в жизни.

– Да Пакратова же, – шепотом выпалила я, опасаясь, что через открытые окна меня могут услышать в буфете.

– Михалыч, – с недоумением откликнулся он, как будто я спрашивала очевидную вещь.

– А полностью? – не отставала я.

– А я откуда знаю? – растерялся тот. – Михалыч и Михалыч...

– Панкратова звали Сергей Михайлович, – подал голос самый молодой из строителей, до этого молча куривший в стороне.

– Вот спасибо, – поблагодарила я парня и устремила обратно к буфету.

Достигнув стеклянной двери, я снова застыла в нерешительности. У людей горе, а я возьму и вторгнусь на их скорбное мероприятие со своими праздными вопросами. Размышляя, как лучше поступить, я наблюдала за женщинами и по их энергично шевелящимся губам и хмурым лицам понимала, что они ругаются. Женщина постарше что-то раздраженно выговаривала той, что помоложе, а девушка всхлипывала и коротко огрызалась. Вдруг девушка в сердцах швырнула на стол вилки, которые до этого раскладывала рядом с тарелками, и пулей выскочила за дверь. Я еле успела отойти в сторону, иначе стеклянная створка непременно стукнула бы меня по лбу. Девушка пробежала мимо, даже не заметив, что кто-то прячется в углу. Выждав несколько секунд, я двинулась за ней.

Выйдя на улицу, родственница покойного Панкратова, утирая слезы, прошла мимо строителей и свернула за угол. Подождав немного, я отправилась следом, однако, оказавшись за углом, никого не увидела. Сначала я занервничала, потеряв ее из виду, но, обогнув раскидистую ель, заметила девушку в траурном платке на одной из лавочек тенистой липовой аллеи. Не подозревая, что за ней наблюдают, она достала из кармана мобильный и, сосредоточенно хмурия лоб, принялась просматривать журнал вызовов. Посчитав момент как нельзя более подходящим для разговора, я шагнула на дорожку, но, услышав фразу, произнесенную торопливо женским голосом: «Добрый день, следователя Никулина можно к телефону?» – замерла, боясь привлечь к себе ненужное внимание. И, что уж там скрывать, стала подслушивать телефонный разговор.

– Константин Иванович, это вас Лена Панкратова беспокоит. Я хотела узнать, есть какие-нибудь новости по папиному делу? Как нет никакого дела? Почему закрыли? Да что вы такое говорите! Как раз таки и есть состав преступления! Человека на пешеходном переходе сбил автомобиль с мигалкой. Что значит неустановленный факт? Свидетели видели, что скрывшаяся с места происшествия машина была со спецсигналом, или вам мало свидетельских показаний? Как так нет никаких свидетелей?

Лена помолчала, должно быть, выслушивая аргументы противоположной стороны, и горячо заговорила вновь:

– Я вам точно говорю: отца сбили не случайно! Папа написал книгу о воспитанниках своего детского дома, где, между прочим, нелестно отозвался об одной известной певице. Регина Крафт, может, знаете? Вот и я говорю, что она дама известная. И богатая. И нанять убийц ей ничего не стоит. В детстве эта Регина воровала что придется в магазинах, а на встрече выпускников подошла к отцу и предупредила, что если хоть один факт из ее прошлого всплывет в средствах массовой информации – отцу не поздоровится. Два дня назад мы переслали рукопись в редакцию, а теперь с папой случилась беда. Давайте я напишу заявление, что папе угрожали, и вы допросите Крафт?

После непродолжительного молчания девушка внезапно взорвалась:

– Раз в высших инстанциях принято такое решение – закрывайте дело, пожалуйста! Только имейте в виду: я этого так не оставлю! Я знала, что так и будет – у нас в стране по-другому не бывает – и разместила в Интернете пост про смерть отца. Я уверена: люди откликнутся на мое сообщение!

Она отшвырнула трубку с такой силой, что аппарат отскочил от лавочки и, разлетевшись на части, шлепнулся в кусты, но Лене было не до телефона. Спрятав лицо в ладони, дочь погибшего плакала навзрыд. Глядя на нее, я ощущала почти физически, что тень зла распространяется все дальше и дальше. Её необходимо было остановить. Сергея Михайловича, конечно, было жалко, но я не собиралась упускать прекрасную возможность заполучить драгоценную рукопись о воспитанниках детдома, очень рассчитывая на то, что бывший директор хотя бы вскользь упомянул и о моем отце. Я ни секунды не сомневалась, что гибель Панкратова связана с историей жизни Льва Рудя. Прошло не менее получаса, прежде чем девушка, справившись с рыданиями, поднялась с лавочки и стала собирать с земли детали телефонного аппарата. Только тогда я прошла по аллее и остановилась неподалеку от лавочки.

– Добрый день, не подскажете, где мне найти Елену Панкратову? – осведомилась я.

Девушка подняла голову и застыла в нелепой позе на корточках.

– Я Лена Панкратова, – блестя мокрыми глазами, с недоумением проговорила она.

– А я адвокат Агата Рудь. Ваши родственники в буфете подсказали, где вас найти, – в свою очередь представилась я. И вдохновенно начала фантазировать: – Я из интернет-сообщества «migalkam.net», мы прочитали ваш пост и решили проконтролировать ход расследования. А то знаете, как обычно бывает? Чиновники откупаются, дела закрываются. А закон должен быть один для всех.

– Следователь Никулин сказал, что в папином деле нет состава преступления, – безжизненным голосом проговорила она, присаживаясь на край скамьи. – Никто отца не сбивал – он сам неаккуратно шагнул с тротуара на проезжую часть, споткнулся, упал, ударился головой о бордюр и умер. Но я-то знаю, что это не так! Я же видела в морге тело – у отца все ноги переломаны!

– Чиновничий беспредел не знает границ, – поддакнула я. – Пора положить этому конец!

– Да не в чиновниках дело, – отмахнулась Лена. – Отец написал книгу о своих воспитанниках – он всю жизнь проработал директором детдома и решил рассказать о том, что помнит и знает. Кое-кому это не понравилось. Знаете певицу Регину Крафт?

– Конечно.

– Я больше чем уверена: к смерти отца она приложила руку. Папа написал о ней правду, но эта правда погубила бы на корню ее карьеру певицы. Думаю, Регина попросила кого-то из своих друзей в высших эшелонах власти решить вопрос со слишком принципиальным директором детдома. Вот папу и сбили!

– Могу я взглянуть на эту книгу?

– Да нет еще никакой книги, есть только рукопись, мы переслали ее в редакцию – и вот, сразу же началось. Агата, а вы на самом деле собираетесь помочь или просто так пришли, от скуки?

– Можете не сомневаться: я непримиримый борец с номенклатурным хамством, – заверила я Елену. – Скиньте и мне по электронной почте книгу вашего отца, я ознакомлюсь с текстом, и мы взорвем Интернет.

Беседуя с дочерью погибшего под колесами автомобиля директора детдома, я внутренне ощущала какую-то неловкость, точно меня водили за нос. В самом конце разговора я поняла, в чем тут дело. Панкратов во время пожара лишился пальцев рук. Как же он ухитрился написать целую книгу?

– Слушайте, Лена, а долго ваш папа писал? Он кому-то рассказывал о своих намерениях попытать счастья на литературном поприще?

– Еще бы! Всем и каждому говорил. Я думаю, никто не верил, что он способен что-либо написать, папа был безрукий инвалид, – горестно поджав губы, пояснила девушка. – Отец никак не мог придумать, как ему взяться за дело. Но однажды я решила, что должна ему помочь – если не я, то кто? Мы сели и за две ночи написали книгу. Папа диктовал, а я записывала.

Я согласно кивнула головой, достала свою визитку и протянула ее Елене.

– Очень вас прошу, не забудьте переслать мне рукопись, – требовательно напомнила я. – А то закрутитесь с похоронами, и вам станет не до возмездия. Наше интернет-сообщество не меньше родственников заинтересовано в том, чтобы найти и наказать убийцу Сергея Панкратова. Не сомневаюсь, что рукопись и есть та ниточка, за которую мы разматываем весь змеинный клубок.

На самом деле я так не думала. Вовсе не из-за рукописи автомобиль с мигалкой наехал на директора детского дома. Это могли сделать и пять, и десять лет назад – думаю, Елена уже тогда умела писать и имела возможность помочь отцу перенести на бумагу его воспоминания. Человек, сбивший Сергея Михайловича, просто не хотел, чтобы директор Панкратов встретился со мной и ответил на вопросы, ответы на которые знал только он.

– Не волнуйтесь, госпожа Рудь, – сверяясь с визиткой, сквозь слезы улыбнулась Лена. – Как только закончатся поминки, я сразу же перешлю вам файл.

И, чуть замаявшись, предложила:

– Может, помянете с нами папу?

– Спасибо за приглашение, – скупой улыбнулась я. – Я бы с радостью, но у меня еще одно неотложное дело.

* * *

В отличие от беседы с Еленой, все-таки скорее личной, чем официальной, дело, о котором я говорила, имело непосредственное отношение к работе. И заключалось оно в том, чтобы встретиться с Валерием Воловиком и составить о подзащитном свое непредвзятое мнение. Мысль высказать подзащитному правду-матку в глаза уступила место необходимости взглянуть на ситуацию со стороны. Знаю я Бориса: если ему кто-то не понравится, он будет субъективен и не всегда справедлив. Вполне возможно, что этот Воловик совсем не так уж плох, как его расписал Джуниор. В животе заурчало, и я вспомнила, что с самого утра ничем, кроме половинки чашки кофе, не питалась. Есть хотелось просто нечеловечески, и я свернула к «Мак-

доналдсу», чтобы подкрепить слабеющие силы. Получив в окне «Макавто» пакет с бигмаком, салатом и кофе, я отправилась по проложенному навигатором маршруту. Жевать по дороге не получалось, хотя я и старалась аккуратно кусать от американского бутерброда, салатные листья падали и майонез нет-нет да и капал мне на блузку. Оставив затею подкрепиться на ходу, я на время отложила бумажный пакет и всю дорогу облизывалась от одуряющих запахов, распространившихся по салону автомобиля. Заехав в нужный двор, я прижалась к обочине в пустующем дальнем углу рядом с громоздким мотоциклом. Помнится, я еще удивилась, что эта часть двора в столь поздний час почему-то не занята машинами, хотя вся остальная территория двора была заставлена автомобилями жителей так, что яблоку негде было упасть, но не стала забивать голову пустяками. Я опустила стекло, наслаждаясь вечерним ветерком, и принялась уписывать вредный, но чертовски вкусный фастфуд. Я доедала салат, когда Сурганову, негромко льющуюся из мультимедийного центра «Мини-Купера», заглушил рев моторов. Не успела я и глазом моргнуть, как меня окружили подростки на мотоциклах, громко окликающие друг друга по именам. Я попыталась было закрыть окно, но поняла, что слишком поздно. В мою машину уже просунулась нахальная мальчишечья физиономия, и белобрысый юнец, ухмыляясь, бесцеремонно откусил добрую половину от бигмака, который я держала в руках.

– Прочь от моей еды! – возмущенно крикнула я, но мальчишка и не подумал оставить меня в покое. Основательно расположившись в окне, он прочавкал:

– Есть запить, а?

И, взглянув на бумажный стакан в картонной подставке, втянул воздух курносый носом и спросил:

– Что там у тебя, кофе? Сгодится!

Я уже собралась было плеснуть в наглеца горячим напитком, меня останавливало только то, что я могу серьезно обжечь мальчишку, как вдруг он взмахнул руками и стремительно покинул мою машину, точно репка, выдернутая из земли. За окном замелькали растерянные лица его дружков, застывшие улыбки которых говорили о том, что их застали врасплох, затем в окне показалось широкое лицо с большим горбатым носом, жгучими глазами и черной щетиной на выдающемся подбородке. На меня пахнуло соляжкой, и низкий голос сквозь зубы процедил:

– Если не хотите неприятностей, дамочка, закрывайтесь, когда остаетесь в машине одна.

Пока я соображала, что бы ему такое ответить, небритый типчик отшвартовался от окна и, поскрипывая кожаными штанами, взгромоздился на мотоцикл, возле которого я запарковалась. Делая вид, что меня больше не существует, парень включил зажигание, выпустил мне в лицо клубы вонючего дыма и что есть силы гаркнул:

– Парни, по машинам! Ждать никого не буду!

В считанные секунды малолетние хулиганы расселись по мотоциклам, и, взревев моторами, кавалькада под предводительством чернявого главаря унеслась в ночь. Возблагодарив providение за внезапное избавление от неминуемой смерти, я прочихалась и прокашлялась, сунула оскверненный бутерброд обратно в пакет, допила кофе и выбралась из машины. Странная картина, открывшаяся моим глазам, больше не вызвала у меня недоумения. Теперь-то я знала, почему в этом углу двора никто из местных жителей не рискует парковаться. Миновав стихийную парковку, где машины стояли так плотно друг к другу, что в салон можно было попасть, только просочившись сквозь щель капота, я поравнялась со старушками, расположившимися в беседке на детской площадке, и притормозила, рассчитывая на контакт. Бабушки с интересом наблюдали за происшествием и потому сочли своим долгом высказаться по поводу увиденного.

– Совсем Валеркины сопляки охамели, – возмущенно начала аккуратная старушка в синем халате. – Проходу людям не дают!

– Железные банки по двору разбрасывают, музыку громко включают, моторами режут, – подхватила ее приятельница. – Мы говорили участковому Ласточкину, а он отмахивается – отстаньте, говорит, от Воловика!

– Так этот небритый и был Воловик? – не слишком-то удивилась я, именно так и представляя себе клиента.

– Ну да, он и был, злодей, Валера, главарь местной шантрапы, – наперебой зашумели старушки.

Я вспомнила его хриплый голос, пренебрежительное обращение «дамочка», и у меня отпали последние сомнения в том, что этот тип мог избить беззащитного человека значительно старше себя. Такие абреки способны на все, лишь бы доказать, кто в этом мире главный. Да еще и растит себе смену – мальчишек учит правилу волчьей стаи: кто сильнее, тот и прав. Я решительно направилась к подъезду, желая поговорить с кем-нибудь из родственников подзащитного, но сколько я ни звонила в домофон, мне так и не открыли. Спустившись во двор, я снова направилась к вездесущим старушкам.

– Простите, вы всех здесь знаете, – учтиво начала я. Бабульки одобрительно закивали головами. – Не подскажете, с кем живет Валерий Воловик?

Над лавочкой повисло молчание, сменившееся растерянным голосом старушки в синем халате:

– А ни с кем, один он остался.

– Ну да, жену-то он выгнал, – продолжила ее подруга, – а мать умерла, так что Валерка теперь один проживает. А вам зачем?

– Я из ДЭЗа, – отпустила я фантазию на волю, – в прошлом месяце мы насчитали Воловику за воду больше, чем положено. Нужно сказать ему, чтобы в этом месяце за воду не платил, а то у нас все время происходит путаница с расчетами.

Старушка в синем халате завопилась на скамейке и просительным тоном затынула:

– Красавица, а в сорок первой квартире за воду не переплачивали? Что-то мне кажется, я в этом месяце больше заплатила. Может, и мне за воду не платить?

– Да, и семьдесят вторую проверьте, – заволновалась ее соседка.

– Не волнуйтесь, товарищи жильцы, обязательно проверим, – пообещала я, ретируясь к «Мини-Куперу».

– Ты видела, какая у нее машина? На зарплату сотрудницы ДЭЗа такую не купишь.

– Говорю тебе: они наловчились воровать газ и воду, я давно чувствую, что плачу как за двоих, – несло мне в спину.

Усевшись в машину, я заперла двери, проверила окна и вдруг увидела, что на переднем пассажирском сиденье что-то блеснуло. Протянув руку, я взяла эмалированный сине-белый кружок, которым украшают капот «БМВ». Подкинув на ладони эмблему всемирно известного автомобильного бренда, я злорадно проговорила:

– Вот оно, ваше воспитание, господин Воловик!

Решив не откладывать в долгий ящик беседу с подзащитным, я порылась в блокноте и выудила телефонный номер Валерия. Набрав нужные цифры, я выслушала пару длинных гудков и сердитое «слушаю», прозвучавшее в трубке.

– Добрый вечер, господин Воловик, вас беспокоит адвокат Агата Рудь. Я буду защищать вас вместо Бориса Устиновича, – ехидно сообщила я.

– С чего бы это? – возмутился клиент. – О защите мы с Борей договаривались, а вас, Агата Рудь, мне не надо.

– Вот и отлично, мне тоже не слишком-то хочется брать на себя вашу защиту. Но я уже пообещала Борису, что доведу это дело, так что нам с вами придется бок о бок мирно просуществовать до суда. Обещаю, я рта не раскрою в вашу пользу. Особенно после того, что сегодня

увидела, как вы учите мальчишек вторгаться в чужое пространство (я имею в виду мой автомобиль) и есть чужую еду (я имею в виду мой бигмак).

– Так это вы, дамочка! – презрительно обронил мой невидимый собеседник. – Вот уж с кем бы я точно не хотел иметь никаких дел!

– А уж я и подавно! – ответила я противно гудящей трубке и тоже дала отбой.

Возмущенно отдуваясь после неприятной беседы, я подумала, что у Борьки талант: умеет он выбрать скандальных клиентов. Мне стало ужасно жалко избитого старика – все-таки что ни говорите, а семьдесят лет – возраст вполне почтенный, и я не собиралась оставлять потерпевшего в беде. Если мой клиент настолько черств и невоспитан, что не собирается навестить покалеченного им человека в больнице, значит, это должна сделать я. Вот завтра же и съезжу. Пока я ругалась с Воловиком, в смартфоне звякнуло сообщение, что по электронной почте получено новое письмо. Без всякого сожаления удалив номер доверителя из памяти аппарата, я вошла в почтовый ящик и открыла пришедшее от Лены Панкратовой сообщение, к которому прилагался файл с творением ее отца.

* * *

Позабыв о том, что нахожусь на вражеской территории – в смысле во дворе Воловика, я с головой погрузилась в чтение. В «Детдомовских рассказах» было восемь историй, и только в одной из них упоминалось о мальчике по имени Лева. Назывался рассказ «Колька-пройдоха» и повествовал о потрясающем малолетнем проходимце Коле Жакетове, которого за мечту вырасти и стать врачом ребята прозвали Доктором.

Лишь только увидев фамилию Коли-проходимца, я сразу поняла, что стою на верном пути, ведь именно капитан Жакетов сопровождал моего отца и нейрохирурга Фишмана на симпозиум в Израиль, и с удвоенным интересом погрузилась в чтение рассказа. Едва появившись в детдоме, Жакетов тут же установил свои порядки, собирая с каждого воспитанника дань в виде половины полдника. Вскоре в детдоме появился Лева, обладающий потрясающим скульптурным талантом. Мальчик наловчился лепить из жеваного хлеба самые разные фигурки, раскрашивать их гуашью и покрывать в кабинете труда мебельным лаком, а Жакетов придумал менять эти фигурки во время полдника на три печенья, положенных каждому воспитаннику детдома. Два из них он забирал себе, одно отдавал скульптору. Но вскоре этот бартер пресекла старшая медсестра, обнаружившая во время обхода в тумбочке у Николая невиданные залежи печенья и тараканов, пирующих этим богатством. Однако помимо художественных Лева отличался еще и математическими способностями. Жакетов придумал применение и этим талантам приятеля: стал возить его в парк Горького, где играли в шахматы любители со всей Москвы, и предлагать доморощенным гроссмейстерам на деньги сыграть со своим младшим братом. Лева почти всегда выигрывал, удивляя бывалых игроков. Таким образом, Николай за вечер зарабатывал на Лева до ста пятидесяти рублей. Часть денег Жакетов отстегивал воспитательнице, которая отпускала мальчишек в культпоход, а остальное забирал себе. Лева не доставало ничего – он готов был работать бесплатно, лишь бы иметь возможность покидать унылые стены детского дома.

На вырученные деньги Жакетов покупал напильники, из которых в школьной мастерской старшие мальчики делали отличные ножи, а также закупал табуретки, из ножек которых получались шикарные нунчаки. Все это вооружение Коля-Доктор относил на ближайший рынок, где и сбывал по сходной цене. В один из торговых дней Жакетова задержали с товаром и доставили в отделение милиции. За производство и торговлю холодным оружием подростку светила колония, однако им заинтересовались люди из КГБ. Прибывший оттуда человек выслушал жалостливый рассказ Жакетова о пьянице-трудовике, которому нет дела до того, что за

предметы тачают ребята во вверенной ему мастерской, и на вопрос, на какие средства Жакетов закупал напильники, Коля рассказал о талантливом мальчике Леве.

Буквально на следующий день в детдом приехал полковник из органов и попросил познакомиться его слевой. В конце беседы гэбист заявил, что он собирается усыновить этого ребенка, и попросил как можно скорее подготовить документы. А через пару лет в детдом пришел запрос из военно-медицинской академии. В бумаге говорилось, что Николай Жакетов принят в вуз и следует как можно скорее переслать туда его бумаги и препроводить его самого. Глава о Коле-Докторе заканчивается рассуждениями автора о том, что дальнейшая судьба этого изобретательного ребенка ему неизвестна, но ясно одно: Жакетов наверняка достиг небывалых высот.

Прикрыв глаза, я стала анализировать прочитанное. Итак, если верить рукописи Панкратова, получается, что отец сказал правду. А не доверять директору детского дома у меня нет причин. Кроме того, отец упоминал Жакетова, и в рукописи значилось это же имя. Не думаю, что имеются в виду однофамильцы. Но выяснить, что же на самом деле произошло в спецотделе «Сигма», я смогу, только побывав в Жуковском. Пока я размышляла, под каким предлогом можно заявиться в институт экспериментальной биофизики, раздался вызов коммуникатора. Вытащив прибор из сумки, я увидела, что по мне соскучилась Ида Глебовна. Нажав клавишу приема, я как ни в чем не бывало ответила:

– Да, бабуля, слушаю тебя.

– Добрый вечер, Агата, – откликнулась Ида Глебовна. – Ты собираешься сегодня на дачу?

– Ага, собираюсь.

– Тогда прихвати два килограмма муки. К нам в гости едет моя старинная приятельница Катя Меллина, мы с ней раньше вместе работали в институте. Мука закончилась, и я не могу угостить ее фирменным тортом. Не забудешь заехать в магазин?

– Ну что ты, бабуля, обязательно привезу все, что нужно!

Вот оно! Бабушкину подругу с работы мне посылает само провидение! Если с умом подойти к делу, думаю, она может оказать помощь и провести меня на территорию режимного объекта. Стараясь не радоваться раньше времени свалившейся на меня удаче, я глубоко вдохнула и выдохнула, чтобы успокоиться, и двинулась в магазин за мукой.

* * *

К тому времени, когда я вкатила на участок, Екатерина Меллина уже распивала на террасе чай. Приветливо поздоровавшись с ухоженной пожилой блондинкой, я выложила на кухне муку и отправилась наверх переодеваться. Проходя мимо кабинета деда, я услышала непривычно громкий голос, которым Владлен Генрихович с кем-то разговаривал по телефону. Остановившись около приоткрытой двери, я стала прислушиваться к разговору.

– Я точно знаю, что он в Москве, – кричал дед, повышавший голос крайне редко. – И очень прошу тебя выяснить, где он остановился и по возможности пресечь попытки общения с девочкой. Все, что о нем узнаешь, тут же сообщай мне.

Затем я услышала, как в кабинете раздались шаги, дверь внезапно поползла в сторону, и я поспешила ретироваться в свою комнату, пока меня не поймали за не слишком-то приличным занятием, которое дед называет подслушиванием, а я именую оперативным сбором информации. Вернувшись на террасу, я обнаружила гостью сидящей в кресле и просматривающей журнал по фитнесу. Эти журналы бабушка покупала каждый месяц, но вовсе не для того, чтобы изнурять себя тренировками, а с целью обзавестись новыми рецептами полезных блюд, не слишком отягощенных калориями. Однако бабуля ни разу ничего оттуда не приготовила, продолжая выпекать пышные расстегаи и сдобные штрудели.

Вот и теперь, разжившись мукой, бабушка тут же отправилась на кухню и приступила к изготовлению своего фирменного торта, а я осталась развлекать ее приятельницу. Не зная, с чего начать, я стала говорить о погоде, о небывало жарком лете, обрушившемся на Москву, и о том, что умираю, как хочется в отпуск. Я прямо из кожи лезла вон, стараясь установить с гостьей контакт, найти общие темы и в конце концов подвести ее к мысли, что было бы неплохо пригласить меня к себе на работу в обеденный перерыв. Мы могли бы вместе перекусить в их институтской столовой, о которой бабушка и дед до сих пор хранят самые теплые воспоминания. Однако моя собеседница, закусив губу, напряженно молчала, теребя массивный перстень с крупным камнем на указательном пальце правой руки. Нервозность сквозила в каждом ее жесте, и я, проболтав без умолку минут десять и так и не получив ответного отклика, растерянно замолчала, подумав, что, должно быть, говорю что-то не то. Повисла гнетущая тишина, и я краем глаза рассматривала все еще красивое лицо Меллиной, ее аккуратный нос, тонкие губы, сжатые так, что кожа на высоких скулах натянулась и побелела до синевы.

– Екатерина Андреевна, вам нехорошо? – успела спросить я, прежде чем Меллина кинула на меня быстрый взгляд и сказала:

– Агата, я, собственно, не столько к Иде пришла, сколько к тебе. Меня подозревают в убийстве Оли Ворониной, она работала со мной в лаборатории. Возьмешься меня защищать?

– Само собой, я возьмусь вас защищать, – горячо заговорила я, не помня себя от радости. Это мой единственный шанс узнать правду про отца, и упустить его ну никак нельзя! – Вам предъявили обвинение?

– Пока что нет, но все к этому идет, – невесело усмехнулась Меллина.

– Прошу прощения, Катя, но я думаю, ты понимаешь, что это невозможно, – раздался за моей спиной голос деда. – Найми себе другого адвоката, Агата ничем не сможет тебе помочь.

Я обернулась и увидела, что Владлен Генрихович застыл в дверях террасы и желваки на его гладко выбритых щеках, покрытых складочками и мешочками, так и ходят туда-сюда. Категоричность его тона придала мне уверенности, и я дерзко проговорила:

– Дед, позволь мне самой решать, кого защищать, а кого нет.

– Большая выросла, да? – сердито проговорил дед, отпуская косяк, за который держался, как утопающий за спасательный круг. – Ну что же, поступай как знаешь!

Он развернулся и, держась за стену, вышел из помещения, оставив нас с Екатериной Андреевной одних. Я с воодушевлением потерла руки и выжидательно посмотрела на свою доверительницу.

– Честно говоря, я не думала, что Владлен будет против нашего общения, – виновато пожалала она плечами. – И чего это он на меня так взелся?

– Даже не знаю, что это с дедом, – соврала я, хотя отлично знала, в чем тут дело. И подслушанный телефонный разговор был тому подтверждением. Я была абсолютно уверена, что речь в нем шла о Льве Руде, и дед самым очевидным образом боялся, что я увижусь с отцом и узнаю правду.

Честно говоря, мне было здорово не по себе. Происходящее нравилось мне все меньше и меньше. Меня задело, что дед не спросил, что случилось с этой несчастной Ольгой Ворониной, в смерти которой подозревают нашу гостью, как будто и так знал, отчего она погибла. Да что там, он даже ни капельки не удивился, что Воронина вообще умерла, как если бы сам убил несчастную женщину. И потом, откуда это нежелание, чтобы я взялась за защиту его бывшей коллеги? Уж не потому ли он так разволновался, что я могу ненароком узнать то, что не предназначено для моего ума? Чувствуя себя разведчицей в стане врага, я увела Меллину в свою комнату и заперла дверь на ключ.

– Екатерина Андреевна, я вас внимательно слушаю. Рассказывайте, что случилось, – подбодрила я клиентку, включая музыку.

– Прямо не знаю, стоит ли втягивать тебя в это дело, раз Владлен против, – неуверенно проговорила гостья, искоса поглядывая на меня.

– Стоит-стоит.

– Ну что же, ты взрослый человек, вольна сама выбирать клиентов, – пробормотала бабушкина приятельница, опускаясь в кресло.

– Рассказывайте, я постараюсь вам помочь.

– Ольга работала начальником отдела кадров нашего института, а я возглавляю отдел экспериментальных исследований, – снова принимаясь крутить на пальце перстень, глухо сказала Меллина. – Мы знаем друг друга лет тридцать, не меньше, вместе начинали трудовой путь.

В дверь постучали. Я неохотно открыла, и в комнату заглянула бабушка. Растерянно оглядевшись по сторонам, она сказала:

– Что-то случилось? Владлен хлопнул дверью и ушел. Что это с ним?

– Убили Олю Воронину. Следствие включило меня в число подозреваемых, и я попросила Агату заняться моей защитой, – сдавленно пояснила бывшая сослуживица Иды Глебовны.

Бабушка некоторое время помолчала, а затем многозначительно произнесла:

– Но, Катя, ты же не хуже меня знаешь, что наш институт особенный, он подчиняется напрямую отделу «Сигма», и все, чем там занимаются, является строжайшей тайной. Зачем Агате вникать в вашу кухню?

– По-моему, ваша с Владленом внучка как никто другой поймет специфику этого дела, – с вызовом ответила гостья. – Ты уж прости, Ида, но у меня сугубо шкурный интерес: я не хочу загреметь за решетку, тем более что я не делала того, в чем меня подозревают. Но если тебе важнее какая-то дурацкая «секретность», тогда конечно. Я уйду.

Гостья поднялась со своего места и, обиженно кивнув головой сначала мне, затем бабушке, направилась к двери.

– Да перестань ты! – раздраженно воскликнула Ида Глебовна, проходя в комнату и прикрывая за собой дверь. – Если ты и вправду считаешь, что лучше Агаты никто не справится с твоей защитой, я ничего не имею против вашего общения. А что случилось с Ворониной?

– Две недели назад я простудилась и взяла больничный, – начала рассказывать Меллина, возвращаясь на кресло. – У меня стреляло в ухе и страшно болело горло. Ольга каждый вечер заходила после работы меня проведать, благо живем в одном доме. Приносила продукты, выкидывала мусор, а то лето, жара, отходы быстро портятся и начинают неприятно пахнуть. Два дня назад она, как обычно, в начале седьмого позвонила в дверь и, когда я открыла, буквально вбежала в квартиру. «Катя, – говорит, – ты не поверишь, кого я утром встретила!» Я опаздывала на физиотерапию, поэтому предложила ей попить чайку, я в обед заваривала свежий. За чаем Оля могла бы съесть бутерброд с колбасой и подождать моего возвращения. Я ей так и сказала: «Подожди, Оля, сейчас нет времени. Вернусь с процедур, и ты расскажешь свою сенсационную новость». В общем, я прогрела горло – это заняло полчаса, не больше – и вернулась домой. Когда я открыла дверь, то сразу почувствовала что-то неладное – в квартире было слишком тихо. Непривычно тихо. Как-то подозрительно. Ольга любила смотреть телевизор и не стала бы сидеть в тишине. Я прошла на кухню и увидела, что Оля готовила себе бутерброды – на столе лежала разделочная доска с хлебными крошками, на клеенке темнели капли заварки. Тогда я двинулась в гостиную и там увидела Олю – она сидела на диване, голова ее была сильно запрокинута назад, одна рука безжизненно свешивалась вниз, в другой был пульт от телевизора – должно быть, она собиралась его включить, но так и не успела. А по ковру разлились остатки чая из опрокинутой чашки. Я сразу же вызвала «Скорую помощь», а уж они позвонили в полицию. Приехала следственная бригада, и первым делом заподозрили меня. Они забрали на экспертизу заварочный чайник и прямо заявили, что я сама подсыпала в него какую-то дрянь, дескать, кроме меня это некому было сделать.

– Они не сказали, зачем тебе травить Олю? – осведомилась бабушка.

– Мотива еще не придумали, – отмахнулась клиентка. – Только поэтому я еще на свободе, а то меня бы сразу упрятали в кутузку.

– А кого Ольга встретила тем утром, ты так и не узнала? – любопытствовала бабушка.

– Каким же это образом? – удивилась ее приятельница.

– Я знаю каким, – взяла я быка за рога. – Мне необходимо переговорить с сотрудниками отдела кадров. Потерпевшая провела весь день со своими коллегами и наверняка во время работы что-то рассказывала об этом происшествии. Екатерина Андреевна, вы сможете организовать мне пропуск в институт?

– Зачем это? – испугалась Меллина. – С сотрудницами Ворониной можно поговорить в любом другом месте. Скажем, в кафе рядом с институтом.

– Да нет же, мне необходимо осмотреть рабочий стол погибшей, может, она оставила какие-нибудь пометки или записи! – настаивала я, чувствуя, как прямо из-под носа уплывает превосходная возможность попасть на секретный объект, вызывавший мой живейший интерес.

– Не знаю, удастся ли выбить пропуск, но попробовать можно, – неуверенно протянула клиентка.

– Отлично! Прямо с утра я съезжу в больницу к оппоненту по делу Воловика, а после двенадцати, думаю, смогу быть у вас в Жуковском.

– Ну что же, я завтра подъеду на работу пораньше и попробую выхлопотать тебе пропуск. Агата, ровно в двенадцать я буду ждать тебя на проходной, смотри, не опаздывай, – благодарно улыбнулась бабушкина подруга.

Бабушка покачала головой и, ничего не сказав, молча вышла из комнаты. Весь ее вид выражал крайнее недовольство этой затеей.

– Идочка, огромное спасибо тебе за внучку, – вдогонку ей прокричала Меллина, – такую умницу вырастила!

Но ответа так и не последовало. Бабушка закрылась в кухне и даже не вышла, чтобы проводить гостью.

* * *

Снилось мне, что сижу я в кинозале и держу в руке ключи от машины, не зная, куда их деть. У меня почему-то нет сумки, и я боюсь выронить ключи в темноте, ибо придется ползать между рядами и шарить по полу, задевая ноги зрителей, поэтому на экран я не смотрю, а изо всех сил сжимаю в руке ключи и жду, когда же закончится бесконечный нудный фильм. Вдруг ключи в моей руке начинают играть странную мелодию, похожую на звонок телефона. Ключи звонят и звонят, а я не знаю, где находится клавиша приема, и, нервничая, нажимаю на все подряд, пока, наконец, не просыпаюсь. Приоткрыв один глаз, я увидела, что за открытым окном чернеет непроглядная ночь, а на тумбочке рядом с кроватью надрывается смартфон. Протянув руку, я взяла аппарат и сонно пробормотала:

– Слушаю...

– Привет-привет, Агатка, – бодро воскликнула трубка Борькиным голосом. – Ты не пове-ришь! Сижу, как полный папа, в своем ресторане! «Монро» называется. Правда, круто?

– Очень за тебя рада, – буркнула я. – Ты знаешь, который сейчас час?

– Три часа, а что?

– Это у вас три, а у нас на час больше, – ворчливо сообщила я.

– Ты уже спишь, что ли? – удивился Джуниор. – Давай, Агатка, просыпайся! Сама же просила позвонить, когда прилечу. Вот, прилетел, поел и сразу же звоню.

– Молодец! – похвалила я, зная обидчивый характер Джуниора. – Ну что ж, давай рассказывай, что да как.

– Долетел я без приключений, – завел эпическое повествование кудрявый друг. – В самолете принял на грудь триста джина и проспал весь полет. Встречал меня Сема на полицейской машине. Между прочим, в Израиле нет ни одного знака «Stop», вместо них восьмиугольники с белой ладонью на красном фоне, ибо «stop» при прочтении наоборот означает всякую непоправимую ошибку. Ты попробуй – поймешь, о чем я говорю. Так-то. По пути мы заехали в госпиталь Святой Анны.

Борис замолчал, выдерживая театральную паузу и испытывая мое терпение.

– И что? – дрожащим голосом проговорила я.

Приятель растянул паузу до предела и, когда я заорала, чтобы он немедленно перестал трепать мне нервы, невозмутимо продолжал:

– Да ничего. Нас не пустили – сказали, что уже поздно и никого из руководства нет на месте. Велели завтра приходить. Сема обещал составить протекцию и свести меня с главврачом госпиталя.

– Борька, спасибо тебе, ты настоящий друг, – с трудом сдерживая слезы, подступившие к горлу, проговорила я.

– Да ладно тебе, я же все понимаю, мама – это святое! – расчувствовавшись, проговорил приятель. – Ну вот, а потом мы поехали ко мне в ресторан и отмечаем мой приезд. Обстановка тут, я тебе доложу! Версаль! Фонтенбло! Петродворец! Народ так и валит!

– Здорово, я рада за тебя! – подхватила я вполне искренне.

– Людям нравится Зина, она наряжается в белые колготки и розовые платица, завивает кудри и смеется залихватским смехом маленькой девочки. А за резинкой чулка она носит флягу с джином, к которой частенько прикладывается. Многие находят, что она действительно похожа на Мэрилин.

– Смешно, – стараясь сдержать зевотку, протянула я.

– Только я ее все равно выгоню, она позорит нашу семью! Бесстыжая, строит мне глазки, хотя я ей сколько-то-там-юродный брат.

Я промолчала, не зная, что и сказать.

– Ладно, Агата, я чувствую, тебе это не интересно, – обиделся Борис. – Позвоню, как только переговорю с главврачом.

– Спокойной ночи, Боречка, не слишком расслабляйся, – подбодрила я приятеля и дала отбой.

Утром дед демонстративно не вышел к завтраку, а бабушка хлопотала вокруг меня, словно мне снова было пять лет. Я отведала геркулесовой каши с черносливом и курагой, чего не делала с младших классов школы, и, выпив чашку какао, собралась ехать в Сокольники, чтобы навестить оппонента. Купив в ближайшем супермаркете пакет вишневого сока, пять яблок и упаковку шоколадных пряников, я включила навигатор и отправилась по адресу потерпевшего, надеясь узнать у его родственников адрес больницы.

Старый район Москвы словно сошел с экранов пятидесятих годов двадцатого столетия. В похожем дворе снимали «Покровские ворота», и для меня оставалось загадкой, как в наше время подобный островок щемящего душу ретро мог сохраниться в обрастающей стеклянными высотками Москве. В прохладном подъезде трехэтажного дома, в котором проживал оппонент Трошин, пахло борщом и кошками. Поднявшись на третий этаж, я нажала кнопку звонка и стала ждать, когда мне откроют. Простояв под дверью минут пять и не получив ответа, я сообразила: вряд ли родственники потерпевшего в разгар рабочего дня будут сидеть дома и ждать моего визита. Попробую обратиться к соседям, вдруг кто-то из них знает адрес больницы.

Я подошла к двери справа и стала звонить туда, надеясь на помощь. Вместе с соседями мы вызовем участкового – наверняка у них есть телефон пункта охраны порядка – и поможем калеке. В соседской квартире слышались бодрые шаги, долго возились с замками, после чего

дверь распахнулась и на пороге появилась полуголая девица с сигаретой в зубах и бланшем под глазом. Я тут же предъявила адвокатское удостоверение и несколько смущенно заговорила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.